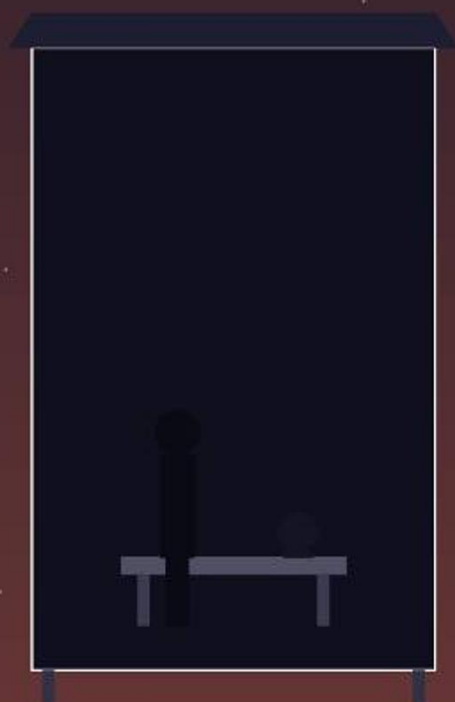

私の恋の話

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЛЮБВИ

Роман

青春

Алексей Тимофеев

История моей любви

«Автор»

2026

Тимофеев А.

История моей любви / А. Тимофеев — «Автор», 2026

Современная романтическая новелла в провинциальном японском городе. Семнадцатилетний Рен работает ночным курьером, живёт один после ухода матери и едва сводит концы с концами. Каждое утро он добирается до школы на полупустом автобусе, где замечает тихую одноклассницу Юи. Во второй главе через монолог Рена раскрывается его изнуряющая рутина: бессонные ночи, сон на уроках, одинокие обеды и ощущение собственной ненужности. Третья глава меняет фокус на Юи — девушку из полной семьи, которая привыкла быть жизнерадостной и заботливой, но внутренне устаёт от роли «хорошей девочки». Их судьбы пересекаются на пустой лестничной клетке, где впервые раздаются слова, и они узнают имена друг друга — первый трещинка в стене одиночества.

© Тимофеев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Часть вторая. Лестница	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	33
Глава 13	35
Глава 14	38
Глава 15	41

Алексей Тимофеев

История моей любви

Глава 1

Дождь начался в два. Не ливень — мелкий, злой, пробирающийся под воротник. Я стоял под навесом «Lawson» и смотрел, как в лужах расплывается неон. Красный, белый, синий — цвета, которые уже никому не нужны в три часа ночи.

Телефон вибрировал. Новый заказ. Рамэн из «Ичиран» для кого-то, кто живёт в десяти минутах езды у реки. Там обычно спят офисные работники, которые завтра в восемь должны быть на станции, но вместо сна едят тонкоцу и смотрят стримы.

Я сел на велосипед. Цепь визжала — её пора смазывать, но когда? Утром школа. Днём сон, если повезёт. Вечером — снова работа.

Мама ушла сто семьдесят три дня назад. Я считаю не потому, что скучаю. Просто так легче ориентироваться во времени. До этого всё текло — понедельник, вторник, среда — одна серая полоса. А потом она оставила записку на холодильнике под магнитом из Киото, и время разделилось. До. После.

Записка до сих пор там. Я не выбрасываю. Не потому что ценю — просто не хватает сил поднять руку и сорвать.

Ветер с реки был холодным. Я нажал на педали, и велосипед въехал в темноту между фонарями. Город в это время не спит — он притворяется. Магазины закрыты, машины редки, но где-то в окнах горит свет. Кто-то не может уснуть. Кто-то ждёт рамэн.

Я доставил заказ. Мужчина лет тридцати открыл дверь в спортивных штанах и футболке с выгоревшим логотипом. Он не посмотрел мне в лицо. Сказал «сумимасэн» — хотя я должен был извиняться за опоздание на две минуты из-за дождя. Закрыв дверь.

Я стоял в коридоре и слушал, как за дверью щёлкают палочки по керамике. Потом поехал обратно.

В квартире пахло плесенью и пустотой. 1К — одна комната и кухонный уголок. Мамина обувь всё ещё стоит в прихожей. Белые кроссовки, которые она носила на работу. Я не выбрасываю и их тоже. Пусть стоят. Пусть собирают пыль. Это уже не мемориал — это просто лень, которая превратилась в привычку.

Я разогрел онигири в микроволновке. Рис был резиновый, начинка из лосося — кисловатая. Я ел, стоя у раковины, потому что мыть стол не хотелось. Вода капала. Кран никто не чинил.

В зеркале на двери шкафа я увидел себя. Тёмные круги под глазами. Губы обветренные. Гакуран висел на вешалке — чёрный, выцветший на плечах. Я ненавидел эту форму. Не потому что она некрасивая. Потому что она требует, чтобы я был школьником. А я уже давно не тот.

Я лёг на диван. Будильник на телефоне — пять сорок пять. Два с половиной часа. Я закрыл глаза и сразу провалился в сон без сновидений. Это единственное, что я ценю в усталости — сон, как выключение света.

Будильник вырвал меня из чёрной ямы. Тело болело — особенно спина, от седла. Я встал, не открывая глаз, по привычке дошёл до умывальника. Вода ледяная. Я смотрел на своё отражение и думал: если бы я исчез, кто-то заметил бы? Кроме хозяина квартиры, которому я каждое первое число кладу конверт в почтовый ящик.

Школьный автобус 4. Он ходил раз в двадцать минут с остановки у моста. Я пришёл раньше — стоял под навесом, курил электронную сигарету, купленную на сдачу. Не потому что нравится. Просто что-то делать руками.

Автобус подъехал с шипением. Внутри было тепло и пахло резиной от сидений. Я сел у окна, в последнем ряду, как всегда. Закинул ногу на ногу и прислонился лбом к стеклу. Оно было холодным и вибрировало от мотора.

На следующей остановке вошла она.

Я знал её в лицо — видел в школе, но не знал имени. Первый курс, наверное. Младше меня. Она была мокрой — дождь не прекращался. Волосы тёмные прилипли к щекам. Она не села рядом — села напротив, через проход, у другого окна.

Она достала телефон и уставилась в экран. Я смотрел на её руки — бледные, с обгрызанными ногтями. На запястье — резинка для волос, розовая, выцветшая.

Автобус тронулся. Я закрыл глаза, но не мог уснуть. Почему-то сегодня не мог. Я чувствовал её присутствие — не потому что она излучала что-то. Просто она была такой же сонной, такой же нездесь, как и я. Её голова кивала в такт ударам колёс о стыки асфальта.

Я думал о маме. О том, что она, наверное, сейчас тоже где-то едет на автобусе. Или уже нет. Я думал о том, что вчерашний рамэн был холодным, когда я его доставил. О том, что кран всё ещё капает. О том, что скоро контрольная по математике, и я завалю её, потому что не открыл учебник две недели.

Автобус подъехал к школе. Она встала первой. Я дал ей время выйти — чтобы не идти рядом. Она спустилась по ступенькам, не оглядываясь, и пошла к воротам, сгорбившись от дождя.

Я вышел следом. Вода затекла за воротник. Я поднял воротник гакурана и пошёл за ней на расстоянии пяти метров. Не потому что преследовал. Просто мы шли в одно место.

В коридоре школы пахло мокрой шерстью и старым паркетом. Я прошёл мимо своего шкафчика, не открывая его. Уроки начинались через десять минут. Я знал, что усну на первом же уроке. И никто не разбудит.

Я сел за парту, положил голову на руки и закрыл глаза. Последнее, что я увидел перед сном — её спину. Она стояла у шкафчика напротив, искала что-то в сумке, и её плечи были подняты к ушам — так, будто она ждала удара.

Я подумал: мы оба ждём удара. Просто от разных вещей.

Потом я уснул.

Глава 2

Я проснулся не от звонка, а от тишины. Урок закончился, класс шумел, перекладывал тетради, кто-то толкнул мою парту ногой. Я поднял голову — на щеке остался след от складки рукава гакурана. Слюна на углу рта. Я вытер её тыльной стороной ладони, не глядя, заметил это кто-то или нет.

Математика. На доске — формулы, которых я не видел. Учитель, Исидэ-сэнсэй, уже ушёл. На моей тетради — мокрое пятно от слюны и размазанная строчка чернил, которую я начал писать ещё до сна. Не помню, что хотел записать.

Я встал, захлопнул тетрадь и засунул в портфель. Вокруг меня двигались тела — одноклассники, которые знали друг друга с младшей школы, делили секреты, смеялись над одними и теми же мемами. Я проходил мимо них, как призрак. Не потому что меня обижали. Просто я не был частью их ткани. Я был пятном на стене, к которому привыкли не обращать внимания.

В коридоре пахло обедом — рыбой, мисо-супом, рисом из столовой. Я не пошёл туда. У меня не было бенто, и покупать обед в школьной столовой — это значило стоять в очереди, а в очереди кто-нибудь обязательно спросит: «Рен, ты опять спал?» Или хуже — попытается подшутить. Я не ненавидел их за это. Просто не хотел тратить силы на ответы.

Я вышел на лестничную клетку, на третий этаж, где никто не ходил. Там, за дверью в техническое помещение, был узкий подоконник. Я сел на него, прислонился спиной к холодной стене и достал из портфеля онигири. Купил утром в том же «Lawson», где стоял в дождь. Сёмга. Резиновый рис. Я ел медленно, глядя в окно на школьный двор.

Двор был пуст. Деревья — клёны, посаженные ещё до того, как я родился — стояли голые, мокрые. Весна должна была прийти, но не торопилась. Я смотрел на ветки и думал о том, что они не жалуются. Они просто стоят. Может, это и есть мудрость — просто стоять и не жаловаться.

Я закончил онигири. Пакет от него смял и засунул в карман гакурана — выбросить потом, когда никто не увидит. Я не хотел, чтобы дворник злился. Злой дворник — это ещё один человек, который будет смотреть на тебя с презрением. У меня и так хватает.

После школы я не пошёл домой. Дома было холодно, и кран всё ещё капал. Вместо этого я поехал на велосипеде в центр — не потому что мне было чем заняться, а потому что двигаться легче, чем сидеть. Движение создаёт иллюзию цели.

Я проехал мимо станции. Там толпились люди в костюмах, спешившие с работы. Мимо универмага, где горели витрины с весенней одеждой. Мимо кафе, из которого доносился запах жареной курицы. Я нигде не останавливался. У меня не было денег, чтобы зайти. Вчерашняя смена принесла четыре тысячи иен. Три я уже отложил на аренду. Одна — на еду до следующей смены.

Я остановился у реки. Сел на набережную, свесив ноги вниз. Вода была серой, быстрой, грязной. Там плавали пластиковые бутылки и листья. Я смотрел на течение и думал: если бы я упал, меня бы унесло. Не потому что хотел. Просто интересно — как далеко? До океана? До того места, где вода становится чистой?

Я сидел так минут двадцать. Потом вспомнил, что мне нужно купить батарейки для фонарика на велосипеде. Он мигал вчера, и без него ночью — опасно. Полиция может остановить. Штраф — пять тысяч. У меня нет пяти тысяч.

В магазине «Daiso» я купил батарейки за сто иен. Потом зашёл в «Lawson» — не есть, просто погреться. Стоял у полки с журналами и смотрел на обложки. Там были девушки с улыбками, которых я никогда не встречал в реальной жизни. Парни с причёсками, стоящими больше, чем моя недельная зарплата. Я смотрел на них и чувствовал себя вырезанным из дру-

гой бумаги. Не завидовал. Просто не понимал, как это — быть на обложке. Быть хоть в чём-то главным.

Вернулся домой в шесть. Квартира встретила меня темнотой и запахом старого блюда. Мама готовила здесь последний раз три месяца назад. Карри. Запах въелся в обои и не выветривался. Я включил свет — люминесцентная лампа замерцала, прежде чем загореться полностью. Тусклый, болезненный свет.

Я сел на пол и поменял батарейки в фонарике. Проверил — работает. Потом лёг на фuton, не раздеваясь. Закрыв глаза. Нужно было поспать до смены. Но сон не шёл. В голове крутились цифры: четыре тысячи, минус три за аренду, минус сто за батарейки, минус двести за онигири. Осталось семьсот. На что мне семьсот иен до следующей смены?

Я встал, подошёл к холодильнику. Там висела записка мамы. Я прочитал её снова. Впервые за сто семьдесят три дня. «Рен, прости. Мне нужно подумать. Я позвоню.» Она не позвонила. Я не ждал. Просто каждый день проверял телефон — не потому что надеялся. Просто привычка. Как дышать.

Я сел за стол и достал учебник по японскому языку. Нужно было сделать домашнее задание. Прочитал одно предложение три раза — не вник. Буквы плавали. Я закрыл книгу и смотрел на обложку. Там была фотография сакуры. Яркой, ненастоящей. Я ненавидел сакуру. Все ненастоящие вещи вызывали во мне злость. Но я не злился громко. Я просто чувствовал, как внутри что-то сжимается, становится тяжёлым, каменным.

В девять я встал, оделся, проверил телефон. Заказов пока нет. Я вышел на балкон — там было холодно, ветер бил с реки. Я закурил электронную сигарету. Пар поднимался вверх и тут же развеивался. Я думал о том, что мне семнадцать. Что я должен готовиться к экзаменам. Что я должен мечтать о университете. Что я должен влюбляться, ходить на свидания, смеяться в кафе.

Вместо этого я стоял на балконе в промёрзшей куртке, курил пар, который пахнет персиком, и ждал, когда мне придёт заказ на доставку рамэна незнакомому человеку.

Телефон вибрировал. Заказ. Я спустился по лестнице, сел на велосипед и поехал в ночь.

Смена прошла как всегда. Три заказа. Дождь кончился, но остался ветер. Я ездил по пустым улицам, и город казался мёртвым. Не злым — просто безразличным. Как я.

В четыре утра я вернулся. Съел холодный онигири — оставшийся со вчерашнего дня. Лёг. Проспал два часа. Будильник. Встал. Умывался. Гакурэн. Автобус.

Я шёл к остановке и чувствовал, как ноги не слушаются. Как будто я не спал, а был отключён. Разница тонкая, но важная. Сон даёт отдых. Отключение — просто паузу между одним и тем же.

Автобус подъехал. Я сел на своё место — последний ряд у окна. Прислонился лбом к стеклу. Оно было холодным.

На следующей остановке вошла она. Та девочка из прошлого раза. Сегодня она была сухая — дождь кончился. Волосы расчёсаны, но всё так же тёмные. Она села на своё место — напротив, у другого окна. Достала телефон. Уставилась в экран.

Я посмотрел на неё секунду. Не потому что она была особенной. Просто она была единственным движением в мёртвом вагоне. Потом я закрыл глаза.

Я думал о том, что она, наверное, тоже не выпалась. Что у неё тоже есть свои причины садиться на этот автобус в семь утра. Но я не хотел знать эти причины. Знание — это связь. А связь — это то, что рано или поздно рвётся. Лучше не начинать.

Глава 3

На кухне пахло мисо-супом и жареным лососем. Мама готовила завтрак в фартуке с вышитыми кроликами — подарок от папы на прошлый день рождения. Она шутила, что в таком фартуке можно идти на бал, и папа отвечал, что она и так на балу каждое утро.

— Юи, передай соевый соус! — крикнул папа из гостиной, торопясь завязать галстук.

— Вот, — она протянула бутылку через дверной проём. — Ты опять опаздываешь.

— Совещание в восемь тридцать, — папа выскочил на кухню, поправляя воротник. — Если я приду в восемь тридцать пять, мир не рухнет, но мой начальник будет ворчать. А ворчание начальника — это звуковое загрязнение.

Юи усмехнулась. Папа всегда так говорил — преувеличивал, шутил, разряжал обстановку. Мама махнула на него лопаткой:

— Ешь хоть что-нибудь, а то опять кофе на голодный желудок.

— Я усую кофе, — папа чмокнул маму в щёку, потом Юи в макушку. — До вечера, зайчата.

Дверь захлопнулась. Тут же из детской выбежал брат — Рику, девять лет, в школьной форме на вырост, рукава закатаны до локтей.

— Юи, где мой ранец? Я не могу найти ранец! Я без ранца не пойду!

— Он в прихожей, где и вчера, — Юи наложила ему рис в мисочку. — И не кричи. Мама головой болеет.

— Я не болею, — мама отмахнулась, но Юи видела, как она прижимала ладонь к виску. — Просто не выспалась.

— Потому что встала в пять, чтобы приготовить ланчи, — Юи взяла нож и начала резать яблоко для бенто. — Я же говорила, я могу сама.

— Твои ланчи — это хаос, — мама улыбнулась. — Красивый хаос, но хаос.

Юи пожала плечами. Она не обижалась. Мама любила готовить, любила заботиться, и Юи знала — если отнять у мамы эти утренние ритуалы, мама будет чувствовать себя бесполезной. Поэтому Юи просто помогала — нарезала, убирала, следила за Рику, пока мама заканчивала суп.

Она вышла из дома в семь двадцать. На улице было прохладно, но солнечно. Юи шла на остановку и напевала под нос песню, которую слышала по радио. Она любила утро. Любила этот момент, когда день ещё не начался, и всё кажется возможным.

В школе она смеялась с подругами. Май рассказывала про свою собаку, которая испугалась пылесоса, и Юи хохотала так, что пришлось прижимать ладони к животу. На перемене она помогла Хоноке разобраться с домашкой по математике — терпеливо, по шагам, не говоря «ну это же просто».

Но к обеду что-то село внутри. Не резко — как будто кто-то тихо вытянул штепсель. Она сидела за партой на последнем уроке и чувствовала, как улыбка становится тяжёлой. Как будто лицо — это маска, которую нужно держать руками. А руки устали.

Она не знала, почему. Ничего плохого не случилось. Просто... всё. Утренний шум, смех, объяснения, вопросы, вечная готовность быть рядом, быть полезной, быть светлой. Иногда от этого уставала даже батарейка.

После уроков подруги позвали её в кафе.

— Юи, идёшь? У них новое меню с парфе!

— Не сегодня, — она улыбнулась — и сразу почувствовала, как щёки ноют от напряжения. — Нужно домой помочь.

— Эх, ты всё дом, дом, — Май ткнула её в бок. — Когда-нибудь сбежишь с нами!

— Обязательно, — кивнула Юи.

Она не шла домой. Она пошла вверх по лестнице — той самой, в дальнем крыле, куда никто не ходил. Ей нужно было пять минут. Просто пять минут, где никто не ждал от неё улыбки, где можно было снять маску и просто быть тихой.

Часть вторая. Лестница

Рен сидел на подоконнике и смотрел, как ветка клёна бьётся о стекло. Он закончил онигири, но не спешил уходить. Здесь было тихо. Здесь не пахло чужой едой и не слышно было голосов.

Шаги по лестнице. Он не обернулся. Пусть идут мимо.

Но шаги остановились. Потом — тишина. Рен повернул голову.

Это была она. Девочка из автобуса.

Она села на ступеньку ниже, у перил. Не расплакалась. Не съёжилась. Просто села, обхватила колени руками и вздохнула — так глубоко, будто весь день держала воздух в лёгких.

Рен отвёл глаза. Ему не хотелось лезть. Чужие проблемы — не его проблемы.

Но она сидела и молчала. Не рыдала. Просто молчала. И это молчание было другим — не тяжёлым, как у него. Скорее... уставшим. Как будто она присела передохнуть после долгой ходьбы.

Минута. Две.

— Ты в порядке? — спросил он. Голос прозвучал грубовато — он давно не начинал разговоры первым.

Она вздрогнула и подняла голову. Глаза были не красные. Просто... тихие. Она посмотрела на него, и он увидел, что она его узнала.

— А, — она чуть приоткрыла рот. — Ты из автобуса.

— Ага.

— Ты всегда спишь.

— Не всегда.

Она кивнула, как будто это было вполне нормальное объяснение. Потом повернулась к окну.

— Я в порядке, — сказала она. — Просто... сегодня какой-то долгий день.

Рен посмотрел на неё. Она не выглядела сломанной. Она выглядела так, как он себя чувствовал каждое утро — когда нужно встать, одеться, сделать вид, что ты человек.

— Дни бывают такими, — сказал он.

— Да, — она улыбнулась. Не широко, не по привычке — по-настоящему, но устало. — Я обычно не такая. Обычно я весёлая.

— Я обычно не разговариваю с незнакомцами, — сказал Рен.

Она тихо рассмеялась. Звук был коротким, почти неуловимым.

— Тогда мы оба сегодня необычные.

Они помолчали. Ветер стих. Ветка перестала биться о стекло.

— Я Юи, — сказала она вдруг.

Рен замер. Имя — это уже что-то. Имя — это ниточка, за которую можно подтянуть человека ближе. Он не хотел. Но она смотрела на него с таким простым, открытым ожиданием, что отказываться было грубее, чем отвечать.

— Рен, — сказал он.

— Рен, — повторила она, как будто проверяя на вкус. — Странное имя.

— Обычное.

— Для меня странное. Я не знаю ни одного Рена.

Он пожал плечами. Она тоже пожала.

— Ладно, — встала она, поправила складки на юбке. — Мне пора. Мама волноваться будет.

Она пошла к лестнице, потом обернулась.

— Спасибо, что не стал расспрашивать. Ненавижу, когда расспрашивают.

— Я тоже, — сказал Рен.

Она улыбнулась — уже почти по-настоящему, почти по-своему — и спустилась вниз.

Рен сидел ещё десять минут. Он думал о том, что она сказала «я обычно весёлая». Он думал о том, как это — быть обычно весёлым. Как это — иметь энергию, которую можно тратить на улыбки, а потом просто устать и присесть на лестнице.

Он встал и пошёл на последний урок. В коридоре пахло мокрым паркетом и чем-то ещё — чем-то, что было похоже на весну.

Глава 4

Глава 4

Ночь была тихой. Всего четыре заказа, и один из них отменили, пока я ехал по мосту. Я развернул велосипед и почувствовал что-то странное — облегчение? Нет. Скорее, пустоту. Когда работаешь, есть цель. Когда работы нет — остаёшься один с собой, а с собой разговаривать не хочется.

Я вернулся домой в три. Лёг без еды. Закрыв глаза и сразу увидел лестничную клетку. Юи. Она сказала: «Я обычно весёлая». Я не знал, почему запомнил это. Мне было всё равно. Должно быть всё равно.

Проснулся от будильника в пять сорок. Тело не отдыхало — просто выключилось и снова включилось, как старый холодильник. Я встал, умывался, смотрел в зеркало. Глаза — два синих мешка. Я не старался выглядеть лучше. Зачем?

На улице было холодно, но не шёл дождь. Я стоял на остановке, курил электронную сигарету, и дым тут же улетал ветром. Автобус подъехал с привычным шипением. Я сел на своё место — последний ряд у окна, левое сиденье. Закинул ногу на ногу. Прислонился лбом к стеклу.

Закрыв глаза.

Шаги по проходу. Остановились рядом. Я не открывал глаз — пусть проходит мимо, пусть садится на своё место напротив.

— Рен?

Голос был тихий, но я узнал. Я открыл глаза.

Юи стояла в проходе, держась за спинку сиденья. Она была в гакуране, волосы собраны в хвост, на виске торчала непослушная прядь. Она смотрела на меня — не в глаза, а чуть ниже, на пустое место рядом со мной.

— Можно?

Я не ответил сразу. Место рядом со мной — это было моё место. Моё пространство, моя граница. Но она стояла и ждала, и я понял, что если скажу «нет», это будет грубее, чем если бы она просто прошла мимо.

Я кивнул. Чуть сдвинулся к окну — не потому что хотел освободить место, а потому что не знал, как быть.

Она села. Не вплотную — расстояние в сантиметров тридцать, но она села рядом. В моём ряду. В моём автобусе.

— Доброе утро, — сказала она.

— Ага.

Она достала телефон, но не стала в него смотреть. Просто держала в руках, поворачивая.

— Ты опять не выспался, — это было не вопрос.

— Никогда не высыпаюсь.

— Почему?

Я посмотрел на неё. Она смотрела вперёд, на спинку сиденья перед ней, и её вопрос звучал не как допрос. Просто... любопытство. Беззлобное.

— Работаю, — сказал я. Первый раз кому-то говорил. Почему? Не знаю.

— Ночью?

— Ага.

— Что делаешь?

— Курьер. Еда.

Она кивнула, как будто это было самое обычное объяснение в мире.

— Я видела тебя, — сказала она вдруг.

— Где?

— Позавчера вечером. Ты ехал на велосипеде по улице у станции. С термосумкой на руле. Я шла из магазина.

Я не знал, что ответить. Меня увидели. Я привык быть невидимым — как пятно на стене, как мусорный бак. А она заметила.

— Ты быстро едешь, — добавила она. — Я испугалась, что ты врежешься в столб.

— Не врезался.

— Знаю. Я смотрела.

Я повернул голову к окну. Стекло было холодным. Я чувствовал, как что-то внутри — что-то твёрдое, каменное — дрогнуло. Не растаяло. Просто дрогнуло.

— А ты? — спросил я. Не хотел, но спросил. — Почему вчера на лестнице?

Она помолчала. Автобус проехал стык на дороге, и мы подпрыгнули — её плечо коснулось моего рукава. Она отодвинулась, но незаметно, будто боясь обидеть.

— Просто... — она подобрала слова. — Иногда я устаю быть собой. Знаешь, как бывает? Когда от тебя все ждут, что ты будешь весёлой, полезной, хорошей... И ты такая. Но в какой-то момент понимаешь, что это как костюм. Тяжёлый. И хочется его снять минут на пять.

Я слушал и думал о мамином фартуке с кроликами. О записках на холодильнике. О том, что я никому ничего не должен быть — просто потому что никто не ждёт.

— У меня нет такого, — сказал я.

— Костюма?

— Того, кого ждут.

Она посмотрела на меня. Не с жалостью — с чем-то другим. С удивлением? С пониманием? Я не разбирался в людях достаточно, чтобы отличить.

— А ты ждёшь? — спросила она тихо.

— Чего?

— Хоть чего-нибудь.

Я хотел сказать «нет». Но слово застряло. Потому что вчера, на лестнице, когда она сказала своё имя, я почувствовал что-то. Не надежду — это слишком громко. Скорее, любопытство. Как будто в серой комнате мелькнул луч света, и ты не знаешь, откуда он, но поворачиваешь голову.

— Не знаю, — сказал я честно.

Она улыбнулась. Не той улыбкой, которую она, наверное, показывала в классе. Эта была тихая, почти невидимая.

— Я тоже не знаю, — сказала она. — Но иногда не знать — это нормально.

Автобус затормозил у школы. Она встала первой. Поправила сумку, и я заметил, что на её портфеле висит брелок — маленький кролик из фетра, выцветший, потёртый.

— Завтра тоже на этот автобус? — спросила она, стоя в проходе.

— Если проснусь.

— Проснёшься, — она кивнула, как будто решила за меня. — Ты же просыпаешься всегда.

Она пошла к выходу. Я сидел и смотрел, как она спускается по ступенькам — не торопясь, подняв лицо к солнцу, которое только что выглянуло из-за туч.

Я вышел следом. В коридоре школы пахло по-другому — не мокрым паркетом, а чем-то новым. Я не знал, чем. Может, просто воздух был другим, потому что я впервые за долгое время говорил с кем-то больше двух слов.

Я прошёл к своей парте. Уснул на первом уроке. Но перед сном я подумал о кролике на её сумке и о том, что она сказала: «Ты же просыпаешься всегда».

Как будто это было что-то важное.

Глава 5

Глава 5

Я сидел на той же набережной, куда приезжал после школы в феврале. Тогда здесь было холодно, ветер бил с воды, и я смотрел на пластиковые бутылки в реке. Сейчас — середина апреля. Ветер тёплый, в ветвях клёнов появились красные листочки, и где-то в парке пахло землёй после дождя.

Я должен был быть дома. Спать перед сменой. Но сегодня я не поехал домой.

Три недели прошло с того дня на лестнице. Двадцать один день. Я считаю — не потому, что важно. Просто так я понимаю, что время движется. Что что-то меняется, даже если незаметно.

Мы ездим вместе. Каждое утро она садится рядом. Не спрашивает разрешения — просто садится, как будто это её место. Я не возражаю. Я уже не представляю, как сидеть в одиночестве у окна.

Она говорит. Не много — пара фраз за поездку. О своём брате, который потерял зуб и теперь шипит, когда говорит. О маме, которая печёт слишком много печенья и заставляет всю семью есть. О том, что она ненавидит математику, но любит литературу — читает Мураками, хотя не всегда понимает.

Я слушаю. Иногда киваю. Иногда говорю что-то короткое — «да», «понимаю», «бывает». Она не обижается на молчание. Она как будто знает, когда мне есть что сказать, а когда — нет.

Я не рассказываю ей про себя. Не про маму, не про ночные смены, не про квартиру с капающим краном. Не потому что стыдно. Просто... зачем? Зачем грузить её своим? Она и так устаёт быть хорошей. Не нужно ещё одно бремя.

Но вчера она спросила. Мы стояли у школьных ворот, и она вдруг повернулась ко мне — не в автобусе, а на улице, в светлом дне.

— Рен, а ты чем занимаешься после школы?

Я замер. Мог бы соврать. Сказать — готовлюсь к экзаменам, хожу в кружок, помогаю по дому. Но она смотрела на меня так, будто уже знала ответ и просто ждала, признаюсь ли я.

— Работаю, — сказал я. — Ночью.

— Я знала, — она кивнула. — Ты всегда такой уставший.

— А ты?

— Я сплю, — она улыбнулась. — Скучно, да?

— Нет.

Она посмотрела на меня ещё секунду. Потом помахала рукой и побежала к автобусу. Я стоял и думал: она знала. Всё это время она знала и не спрашивала. Ждала, пока я сам скажу.

Я не знаю, что это значит. Доверие? Терпение? Или просто она не любит, когда спрашивают — как и сама говорила?

Я посмотрел на реку. Вода текла быстрее, чем в феврале. Таял снег в горах, и уровень поднимался. Я думал о том, что через два месяца — экзамены. Что потом — лето. Что я должен решить: поступать или нет.

Университет. Слово звучит как шутка. Стоимость обучения — полтора миллиона в год. Я зарабатываю сто двадцать тысяч в месяц. Минус аренда — семьдесят. Минус еда. Минус электричество. Остаётся... ничего. Университет — это для тех, у кого есть родители. У кого есть будущее, которое кто-то обещал.

У меня никто ничего не обещал.

Мама ушла сто девяносто четыре дня назад. Записка всё ещё на холодильнике. Я не выбрасываю. Не потому что жду. Просто... если выброшу, это будет окончательно. А я ещё не готов к окончательности.

Я думал о том, что буду делать после школы. Полная занятость. Двадцать лет. Тридцать. Сорок. Одна и та же квартира. Одна и та же работа. Одни и те же ночи. Это не план — это просто продолжение. Как дышать. Как сердце бьётся.

А Юи?

Она поступит. Куда-нибудь. Будет жить в общежитии, есть столовую еду, смеяться с новыми друзьями. Будет весёлой — по-настоящему, не из усталости. Будет забывать про меня. И правильно.

Я представил это — утро, автобус, я один. Она не садится рядом. Место пустое. И понял, что мне страшно. Не грустно — страшно. Как будто кто-то выключил свет в комнате, где я только что начал различать очертания мебели.

Я не хочу от неё ничего. Не прошу спасти меня, не жду чудес. Просто... когда она рядом, утро не кажется продолжением ночи. Когда она говорит «доброе утро», это звучит так, будто утро и правда может быть добрым. Я не верю в это — но мне нравится, что она верит.

Я не знаю, люблю ли я её. Слово «любовь» кажется слишком большим для того, что у меня внутри. У меня нет права на большие слова. У меня есть только это — чувство, что я не хочу потерять её. Что я готов просыпаться, если знаю, что она будет в автобусе.

Я смотрел на воду и думал: а что, если я всё-таки попробую? Не университет — это невозможно. Но что-то другое. Вечерние курсы. Техническое образование. Что-то, что даст мне работу днём. Чтобы не спать на уроках. Чтобы иметь силы говорить с ней не только по утрам, но и днём. И вечером.

Я никогда не думал о будущем. Будущее было чёрным экраном — включил, выключил, всё равно. Но сейчас я увидел там крошечную точку света. Не факел. Не солнце. Просто точку. Как звезду, которую видно только если смотреть краем глаза.

Я встал. Пора было ехать домой, спать два часа, а потом — на смену. Но я не спешил. Я шёл по аллее и смотрел на деревья. Они зеленели. Я не замечал этого раньше — что деревья меняются. Что весна приходит, даже если ты не ждёшь.

Телефон вибрировал. Сообщение.

Я достал его. Юи.

«Завтра автобус в 7:20. Не опаздывай, я принесу печенье.»

Я остановился посреди аллеи. Прочитал три раза. Потом убрал телефон в карман и пошёл дальше. Я не улыбался. Но что-то внутри — то самое каменное — сдвинулось на миллиметр. Не растаяло. Просто сдвинулось.

Я подумал: завтра я проснусь. Завтра я поеду на автобус. Завтра я съем её печенье и скажу, что оно вкусное — даже если будет невкусное. И это будет моё будущее. Не всё. Просто завтра. Но пока что — достаточно.

Глава 6

Глава 6

Часть первая. Юи

Будильник зазвонил в шесть тридцать. Я выключила его, не открывая глаз, и ещё пять минут лежала, слушая звуки дома. С кухни доносился запах мисо-супа — мама уже встала. Из детской слышался шум: Рику собирал ранец и, судя по всему, ронял учебники один за другим.

— Рику-чан, тише! — крикнула мама.

— Я не роняю, они сами! — отозвался брат.

Я улыбнулась в подушку. Это было каждое утро, и каждое утро меня это умиляло.

На кухне мама стояла в том же фартуке с кроликами. Папа уже ушёл — я слышала хлопанье двери час назад. На столе стояла моя чашка с зелёным чаем и тарелка с тамагояки.

— Ты сегодня рано, — сказала мама, не оборачиваясь.

— Просто проснулась.

Это было не совсем правдой. Я проснулась в шесть, за десять минут до будильника. Лежала и думала о том, что вчера Рен сказал: «Я работаю. Ночью». Я думала о том, как он сказал это — ровно, без жалости, как будто сообщал погоду. И о том, что он впервые рассказал мне что-то о себе.

— Юи? — мама обернулась. — Ты в порядке?

— Да, — я взяла палочки. — Просто не выпалась.

— Опять в телефон смотрела?

— Нет, — я откусила тамагояки. — Просто думала.

Мама посмотрела на меня странно, но не стала расспрашивать. Она доверяла мне. Иногда мне хотелось, чтобы она спросила. Но сегодня я была рада тишине.

Я вышла из дома в семь пятнадцать. На улице было прохладно, но солнце уже стояло высоко — весна окончательно вступала в свои права. Я шла на остановку и напевала под нос песню, которую слышала по радио. Не потому что была счастлива. Просто так — по привычке, по утренней свежести.

Автобус подъехал. Я вошла и сразу увидела его. Рен сидел на своём месте — последний ряд у окна. Но сегодня он не спал. Он смотрел в окно, и его профиль был освещён серым утренним светом. Он выглядел иначе. Не менее уставшим — просто... настороженным. Как будто ждал чего-то.

Я села рядом, как всегда. Он повернул голову и кивнул. Это было больше, чем обычно. Обычно он просто смотрел, признавая моё присутствие. Сегодня — кивок.

— Доброе утро, — сказала я.

— Ага.

Мы помолчали. Автобус тронулся. Я достала из сумки учебник по литературе — нам задавали прочитать рассказ Кавабаты. Но я не читала. Я смотрела на страницу и видела не буквы, а его руки на коленях — тонкие, с синяками на костяшках. От работы? От усталости? Я не спрашивала.

— Ты читаешь Кавабату? — вдруг спросил он.

Я подняла голову. Он смотрел на мой учебник.

— Да, — сказала я. — Нам задали. «Снежная страна». Ты читал?

— Нет, — он отвёл глаза. — Не люблю, когда всё грустно.

— А там грустно?

— Там всегда грустно, — он пожал плечами. — Кавабата.

Я хотела возразить, но поняла, что не смогу. Он был прав. Я улыбнулась — не широко, просто чуть приподняла уголки губ. Он это заметил? Не знаю. Он снова смотрел в окно.

В школе меня ждала обычная суета. Математика, английский, история. На математике я отвлеклась — смотрела на облако за окном и думала о том, что Рен, наверное, сейчас спит. Или пытается спать. Или уже работает? Я не знала его расписания. Странно — я знаю, как он пахнет (сигаретами и чем-то холодным, уличным), но не знаю, что он делает в это время дня.

— Юи-сан? — голос учителя вырвал меня из раздумий. — Ответьте, пожалуйста.

Я вскочила, покрасневшись. Класс захихикал. Я не знала ответа. Села, чувствуя жар в щеках. Но улыбалась. Почему-то улыбалась.

На большой перемене Май под села ко мне за партой. Она смотрела на меня с тем прищуром, который означал: «Я что-то знаю».

— Ты в последнее время странная, — сказала она.

— В каком смысле?

— Ты улыбаешься на уроках. Ты отвлекаешься. Вчера учительница спросила тебя, а ты смотрела в окно и не слышала.

— Просто устала, — я отвернулась, собирая тетради.

— Не похоже на усталость, — Май наклонилась ближе. — Ты в кого-то влюбилась?

Я замерла. Ручка в моей руке остановилась над тетрадью.

— Нет, — сказала я слишком быстро.

— Ага, — Май ухмыльнулась. — Значит, да.

— Май, — я толкнула её в плечо. — Не говори глупости.

— Ладно, ладно, — она подняла ладони. — Но если что — я первая, кому расскажешь. Обещаешь?

— Обещаю, — я кивнула, хотя знала: не расскажу. Не потому что не доверяю. Просто... это ещё не то, что можно назвать. Это просто автобус. Просто молчание. Просто то, как он сказал «Кавабата».

После школы я не пошла домой сразу. Я зашла в конбини у станции — тот самый, где работает Рен ночью? Нет, он работает в другом районе. Но я зашла и стояла у полки с онигири минут пять. Смотрела на ряды треугольных упаковок: лосось, тунец, уме-boshi, курица.

Я взяла два. Один — с лососем, для себя. Второй — с тунцом. Для него. Я не знала, что он любит. Мы никогда не обедали вместе. Но тунец — самый обычный, самый нейтральный. Если он не любит рыбу, он всё равно сможет съесть.

Я заплатила. Продавец — девушка с розовыми волосами — улыбнулась мне. Я улыбнулась в ответ. Вышла. Стояла на улице с двумя онигири в пакете и чувствовала себя глупо. Что я буду с ним делать? Просто положу ему в руки завтра утром? Скажу: «Это тебе»? А если он спросит зачем? Что я отвечу?

Я не знала. Но я шла домой, и пакет в моей сумке казался тяжелее, чем учебники. Тяжелее и теплее.

Часть вторая. Рен

Я проснулся в четыре. Не от будильника — от голоса на улице. Кто-то кричал на кого-то во дворе. Я лежал на футоне и смотрел на потолок. Трещина в углу. Молния. Она всё ещё там.

Я встал, умывался. В зеркале — всё те же круги под глазами, но сегодня они казались мне менее чёрными. Или я просто привык.

Последний урок — химия. Я сидел за партой и чувствовал, как сон подкрадывается. Но я боролся. Не потому что хотел учиться. Просто... вчера Юи сказала: «Ты всегда спишь». И мне стало стыдно. Не сильно. Немного. Но достаточно, чтобы держать глаза открытыми.

Учительница — старая Танака-сэнсэй — писала формулу на доске. Мел скрипел. Я смотрел и думал: если бы я поступил в колледж, я бы учил это всерьёз. Я бы сидел за партой и

слушал. У меня была бы тетрадь без мокрых пятен. У меня был бы рюкзак, а не портфель с оторванной молнией.

— Рен-кун, — голос Танаки был тихим. Я поднял голову. Она стояла рядом с партой и смотрела на меня — не сердито, просто устало. — Вы не спите?

— Нет, сэнсэй, — я сказал это честно. Сегодня я не спал.

— Рада слышать, — она кивнула и пошла дальше. — Следите за доской.

Я последовал совету. Десять минут. Потом снова отвлёкся. Но не уснул. Это было маленькое достижение. Я записал в тетрадь одну формулу. H_2O . Вода. Я знал это и раньше. Но сегодня я записал.

После школы я поехал домой. Съел холодный онигири — вчерашний, оставшийся с утра. Поспал час. Во сне ничего не было — просто чёрный экран. Проснулся в девять вечера. Одевался, проверял телефон. Заказов было много — пятница, люди заказывают пиццу и пиво.

Я ездил по ночному городу. Ветер был тёплым, почти летним. Я снимал заказы с термосумки и стучал в двери. В одной квартире открыл пьяный мужчина и сказал: «Спасибо, брат, ты спас мою жизнь». В другой — молчаливая женщина в халате, взяла пакет и закрыла дверь, не глядя. В третьей — открыл мальчик лет пяти, в пижаме с динозаврами, и сказал: «Мама, рамэн приехал!»

Я смотрел на него и думал о том, что у меня никогда не было детства, в котором еда «приезжала». У нас еда готовилась мамой. Потом — никем. Потом — я сам, если было что готовить. Сейчас — я покупаю.

В два ночи я заехал в конбини. Мне нужен был кофе — последний заказ был далеко, и я засыпал на велосипеде. Я стоял у кассы и ждал, пока продавец разогреет кофе. Мои глаза скользнули по полкам. Печенье. Разные виды — шоколадное, сенbei, с матча.

Я взял пакет с печеньем в форме рыбок. Тайяки, только хрустящие. Я не знал зачем. Я не ел сладкое месяцами — не потому что не любил, просто сладкое дороже, чем онигири. Но я взял. Потому что вчера Юи сказала: «Завтра я принесу печенье». И я подумал — а что, если я тоже? Что, если завтра в автобусе у меня будет что-то для неё?

Я заплатил. Продавец — мужчина с татуировкой на шее — пробил товар без интереса. Я вышел. Сел на велосипед и поехал дальше. Печенье лежало в кармане куртки и шуршало при каждом повороте. Это был самый громкий звук в моей ночи.

Я вернулся дома в четыре. Лёг на futon, не раздеваясь. Печенье положил на тумбочку. Я смотрел на него в темноте — белый пакет, красные рыбки на упаковке.

Я думал о завтра. Она будет сидеть рядом. Она принесёт печенье — своё, домашнее, наверное. И я достану свой пакет. И мы оба будем сидеть с печеньем на коленях, как два идиота. И, может быть, она рассмеётся. Или скажет: «Рен, ты тоже?» И я кивну. И это будет... что? Свидание? Нет. Просто утро. Просто автобус. Просто два человека, которые впервые за долгое время делают что-то не из необходимости.

Я закрыл глаза. Сон пришёл быстро — тяжёлый, без снов. Но перед тем как провалиться, я подумал: завтра я проснусь. И это будет не так больно, как обычно.

Глава 7

Глава 7

Я стоял на остановке и чувствовал, как пакет в кармане гакурана шуршит при каждом движении. Печенье. Рыбки. Я купил его вчера ночью в состоянии какого-то странного порыва, а сейчас, при свете дня, это казалось глупостью. Что я буду делать? Достать его и сказать: «Это тебе»? А если она не принесёт ничего? Если она забыла? Тогда я буду сидеть с пакетом на коленях, как идиот, и ждать, пока она спросит: «А что это у тебя?»

Автобус подъехал. Я вошёл первым, сел на своё место. Мои ладони были влажными. Я вытер их о ткань брюк и посмотрел в окно.

На следующей остановке двери шипнули. Я услышал её шаги — лёгкие, торопливые. Поднял глаза. Юи стояла в проходе, держа сумку обеими руками, и смотрела на меня. Она была взъерошенная — волосы торчали, на щеке был след от подушки.

Я услышал её шаги — лёгкие, торопливые. Поднял глаза. Юи стояла в проходе, держа сумку обеими руками, и смотрела на меня. Она была взъерошенная — волосы торчали, на щеке был след от подушки. Она, наверное, тоже плохо спала.

— Доброе утро, — сказала она и села рядом. Ближе, чем обычно — её плечо почти коснулось моего.

— Ага.

Она открыла сумку и достала... пакет. Белый, с зелёной ленточкой. Она положила его на колени и посмотрела на меня.

— Я обещала, — сказала она. — Печенье.

Я замер. Моя рука лежала в кармане гакурана и сжимала свой пакет. Я не знал, что делать. Сказать «я тоже»? Или промолчать? Или достать потом, незаметно?

— Ты... — она наклонила голову. — Ты в порядке?

— Да, — я вытащил руку из кармана. Пустую. — Просто...

Я не договорил. Она протянула мне свой пакет.

— Держи. Это с матча. Мама пекла вчера вечером. Она сказала, что матча — это взрослый вкус, но я думаю, что просто горьковатый.

Я взял пакет. Он был тёплым — от её рук, от утреннего воздуха в сумке. Я открыл его. Внутри — шесть печений, неровных, домашних, с трещинками на поверхности. Они пахли маслом и чем-то травянистым.

— Спасибо, — сказал я. И тут вспомнил. — Подожди.

Я засунул руку обратно в карман. Пакет шуршал громко — в тихом автобусе это звучало как крик. Я достал его. Белый, с красными рыбками.

— Это... — я протянул ей. — Я тоже. Вчера купил. Не знаю зачем.

Она посмотрела на пакет. Потом на меня. И рассмеялась.

Не громко. Не издевательски. Просто — коротко, тихо, с закрытым ртом. Её глаза сузились, и на щеках появились маленькие ямочки. Я никогда не видел её ямочек.

— Рен, — сказала она. — Ты тоже принёс печенье?

— Ага.

— Мы оба принесли печенье?

— Похоже на то.

Она снова рассмеялась. На этот раз громче. Старушка впереди обернулась. Юи тут же прикрыла рот ладонью, но глаза всё ещё смеялись.

— Тогда давай меняться, — сказала она. — Я возьму одну твою рыбку, а ты — одно моё матча. И мы узнаем, чьё вкуснее.

Я кивнул. Мне было странно — не неудобно, а странно. Как будто я попал в сцену из чужой жизни. Сцена, где люди смеются в автобусах и меняются печеньем. Я не знал, как играть эту роль. Но она играла за нас обоих — легко, непринуждённо, как будто это самое естественное в мире.

Мы ели. Матча оказалось действительно горьковатым — зелёный, землистый вкус, который оставался во рту. Рыбка — хрустящая, слишком сладкая, с привкусом ванили. Она морщилась от моей рыбки, я — от её матча. И мы оба смеялись. Я смеялся. Впервые за... я не помню, сколько. Месяцы? Годы?

Автобус подъехал к школе. Мы вышли вместе — впервые не по одному, а рядом. Она шла быстрее меня, и я чуть ускорился, чтобы не отставать. На ступеньках школы она остановилась и обернулась.

— Завтра, — сказала она, — я принесу другое. Что-нибудь не сладкое. А ты?

— Я... — я не знал. — Посмотрю.

— Договорились, — она кивнула, как будто мы действительно договорились, и побежала к своему крылу.

Я стоял и смотрел ей вслед. В руке у меня был её пакет — пустой, с крошками матча на дне. Я не выбросил его. Засунул в карман гакурана.

Весь день я чувствовал его там. Тёплый, ненужный, важный.

Глава 8

Глава 8

Автобус подъехал к остановке, и я услышал шаги. Не торопливые, как обычно, а быстрые — она бежала. Двери шипнули, и Юи влетела в салон, покрасневшая, с распущенными волосами.

— Опоздала, — выдохнула она, падая на сиденье рядом. — Мама утащила мой будильник, чтобы я выспалась. Как будто это помогает.

Я посмотрел на неё. Она поправляла волосы, запихивая пряди за уши, и я заметил, что её руки дрожат от бега. Раньше я бы отвернулся. Сейчас я протянул ей пакет с тканевой салфеткой — купил вчера в том же конбини, по привычке.

— Спасибо, — она взяла, вытерла лоб. — Ты сегодня... не спишь?

— Нет.

— А что делаешь?

Я показал ей тетрадь. Открытую. На странице — конспект по литературе, который я писал вчера вечером, после смены. Двадцать строк. Мелкий почерк, почти неразборчивый. Но это были двадцать строк, написанные мной не в классе, а дома. По своей воле.

— Рен, — она наклонилась, рассматривая. — Ты готовишься?

— Пытаюсь.

— К чему?

Я пожал плечами. Честный ответ был слишком длинным. Я и сам его не знал до конца.

Автобус тронулся. Она сидела рядом и молча смотрела на мою тетрадь. Потом достала свою — по математике, чистую, с закладками.

— Если что, — сказала она, не глядя на меня, — я могу объяснить. Математику. Я не гений, но до тройки дотянуть могу.

— У меня четвёрка, — сказал я.

— Ну, до пятёрки тогда.

Я кивнул. Мы ехали, и я чувствовал, как что-то внутри — не лёгкость, нет, скорее... меньшую тяжесть. Как будто кто-то приподнял край камня, под которым я лежал.

На уроке японского языка я не спал. Это было странно — я сидел за партой, держал ручку, и слова учителя доходили до меня. Не всё, не целиком. Но фразы. «Тема выпускного сочинения». «Срок сдачи — до конца мая». «Подумайте о том, что вы хотите выразить».

Я смотрел на чистый лист в тетради. Тема. Что я хочу выразить?

Раньше я бы написал что-то нейтральное. О природе. О временах года. О том, как клёны меняют листву. Безопасная тема, которая не требует говорить о себе.

Но сейчас я смотрел на лист и думал о другом. О ночных улицах. О термосумке на руле велосипеда. О записке на холодильнике. О том, как пахнет матча в утреннем автобусе.

Я написал заголовок: «О человеке, который просыпается». Потом вычеркнул. Слишком лично. Слишком много.

Потом написал другой: «О раннем утре». Это было лучше. Нейтрально, но со смыслом. Я мог написать о холодном стекле автобуса. О свете, который ещё не решил, день это или ночь. О том, как кто-то садится рядом, и ты перестаёшь считать остановки.

Я написал три предложения. Учительница прошла мимо, остановилась, посмотрела через плечо. Я прикрыл тетрадь ладонью — не потому что стыдно. Просто... не готов.

— Рен-кун, — она сказала тихо. — Вы сегодня бодрые.

Я не знал, что ответить. Она улыбнулась — не широко, просто кивнула, и пошла дальше.

Я посмотрел на часы. До звонка оставалось двадцать минут. Я написал ещё пять строк. Плохих, корявых, с ошибками. Но написал.

Смена началась в десять. Я ездил по улицам, и город был другим — не мёртвым, как зимой, а живым. Люди сидели на балконах, пили пиво, курили. Из окон доносилась музыка. Весна вступала в свои права, и ночь стала тёплой.

Я доставил пиццу в один дом, рамэн в другой, суши в третий. В каждой квартире — своя жизнь. Свет, запахи, голоса. Я стоял у дверей и думал: у всех есть дом. У всех есть кто-то, кто ждёт. Даже если это просто кошка.

А у меня — квартира с капающим краном и запиской на холодильнике.

Я остановился у реки. Не на набережной, где сидел вчера, а на мосту. Опёрся о перила и смотрел на воду. Она была чёрной, с отражениями фонарей — разорванными, дрожащими.

Полтора месяца до выпуска. Я считал вчера. Сорок четыре дня. Потом — экзамены. Потом — лето. Потом...

Потом что?

Я достал из кармана телефон и открыл браузер. Набрал: «вечерние колледжи Сайтама». Страница загружалась медленно — связь на мосту плохая. Я ждал и чувствовал, как сердце бьётся быстрее. Не от волнения. От страха. От того, что я вообще открыл эту страницу.

Я нашёл три варианта. Один — технический колледж, специальность «электроника». Вечерние занятия, три раза в неделю. Стоимость — четыреста тысяч в год. Это было меньше, чем университет. Но всё равно много.

Я посчитал. Если работать днём — курьером, грузчиком, кем угодно — и ночью не работать, я мог бы зарабатывать сто пятьдесят тысяч. Минус аренда — семьдесят. Минус еда — тридцать. Остаётся пятьдесят. На колледж — не хватит. Но если взять подработку по выходным...

Я закрыл телефон. Считал дальше в голове, но цифры путались. Я не умел планировать. Никто не учил. Мама ушла, папы не было, учителя давно сдали меня за неперспективного.

Но я стоял на мосту и считал. Впервые за семнадцать лет я считал не то, сколько мне нужно на завтра, а то, сколько мне нужно на год.

Телефон вибрировал. Сообщение.

Не от Юи. От мамы.

Я замер. Сто девяносто шесть дней. И вот она.

Я открыл. Три слова: «Как ты?»

Я смотрел на экран минуту. Потом два. Потом положил телефон в карман, не отвечая. Не потому что злился. Просто... не знал, что сказать. «Я пытаюсь»? «Я устал»? «Я встретил девушку в автобусе, и она приносит мне печенье»?

Я поехал дальше. Заказов было много, и я не останавливался больше. Но весь вечер, едзя по ночному городу, я чувствовал телефон в кармане. Тяжёлый, горячий, как уголь.

Я вернулся дома в четыре. Лёг на футон, но сон не шёл. Я встал, подошёл к столу, открыл тетрадь по литературе. Дописал сочинение. Ещё десять строк. О раннем утре. О том, как свет медленно побеждает темноту — не сразу, а по капле, по лучику, по одному проснувшемуся окну за другим.

Я написал: «Утро не начинается с восхода. Оно начинается с того, что кто-то решает встать».

Я перечитал. Глупо. Слишком просто. Слишком... наивно.

Но я не вычеркнул. Я закрыл тетрадь и лёг. Закрыл глаза. И впервые за долгое время заснул с мыслью, которая не была ни чёрной, ни пустой. Мыслью о том, что завтра — снова

автобус. Снова она. Снова печенье, может быть. И это уже не просто «снова». Это — «ещё один день, чтобы попробовать».

Глава 8

Глава 9

Глава 9

Часть первая. Рен

В пятницу заказов было больше обычного. Люди уставали за неделю и заказывали еду, которую не хотели готовить сами. Рамэн, пицца, китайская лапша в жирных контейнерах. Я ездил по кварталам, и ветер был тёплым — почти летним.

В одиннадцать я подъехал к дому у парка. Заказ — два рамэна для кого-то на третьем этаже. Я позвонил в домофон, ждал. Дверь открылась, я вошёл в подъезд. Лестница пахла кошачьим наполнителем и сыростью.

Когда я вышел, на улице кто-то стоял.

Она стояла у фонаря — в светлой куртке, с сумкой через плечо, и смотрела в телефон. Я узнал её по волосам. По тому, как она стояла — весом на правую ногу, слегка сгорбившись. Юи.

Я замер на ступеньках. Хотел повернуться, уйти в другую сторону, но она подняла голову. Наши взгляды встретились.

Она моргнула. Потом моргнула снова — как будто проверяла, не мираж ли я.

— Рен?

Голос был тихий, но в ночной тишине он прозвучал громко. Я сделал шаг вперёд. Фонарь осветил мою термосумку, куртку с логотипом службы доставки, шлем на руле велосипеда.

— Ага, — сказал я.

Она смотрела на меня. Не с удивлением — скорее с каким-то странным осмыслением. Как будто кусочки пазла наконец сложились.

— Ты... — она замолчала, подбирая слова. — Ты вот так работаешь? Каждую ночь?

— Не каждую. Четыре раза в неделю.

— И потом едешь в школу?

— Ага.

Она молчала. Я ждал — осуждения, жалости, вопросов «как ты выдерживаешь». Но она не сказала ничего из этого. Она просто посмотрела на мои руки — на синяки, на мозоли, на пересохшие костяшки.

— Я шла от Май, — сказала она вдруг. — Она живёт рядом. Мы готовились к контрольной. Я... не знала, что ты здесь.

— Я везде, — я пожал плечами. — Где заказывают еду.

Она чуть улыбнулась. Не той яркой улыбкой, что в автобусе. Другой — тихой, почти грустной.

— Ты замёрз? — спросила она.

— Нет.

— А устал?

Я хотел соврать. Сказать «нормально». Но она смотрела на меня так, будто уже знала ответ.

— Да, — сказал я. — Устал.

Она кивнула. Потом открыла сумку и достала что-то. Пластиковый пакет — онигири с лососем. Она протянула мне.

— Я покупала в конбини. На всякий случай. Но... если ты работаешь, тебе нужнее.

Я взял. Онигири был холодным, но тяжёлым. Я не знал, что сказать. Спасибо — слишком мало. Но других слов не было.

— Юи, — я начал, не зная, чем закончу. — Ты... не должна была этого видеть.

— Почему?

— Потому что... — я замолчал. Потому что стыдно. Потому что это не красиво. Потому что ты должна думать, что я просто странный одноклассник, а не тот, кто в три ночи носит чужой рамэн.

— Рен, — она сказала моё имя так, как будто оно было важным. — Я не ослепла. Я видела, что ты уставший. Я просто не знала — почему. Теперь знаю.

Мы стояли под фонарем. Проехала машина — медленно, с включённой музыкой. Музыка затихла, и снова осталась только ночь.

— Я не рассказывал, — сказал я.

— Я знаю, — она кивнула. — Ты не любишь рассказывать.

Она поправила сумку на плече.

— Мне пора. Мама волнуется.

— Ага.

Она сделала шаг, потом остановилась.

— Рен. Завтра в автобусе — ты будешь?

— Буду.

— Хорошо, — она кивнула. — Тогда до завтра.

Она пошла по тротуару, и я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Потом я сел на велосипед и поехал к следующему заказу. Онигири лежал в кармане куртки, и я чувствовал его вес — небольшой, но настоящий.

Часть вторая. Юи

Я шла домой и смотрела на тротуар под ногами. Трещины в асфальте, старые жвачки, листья. Я видела их, но не видела.

Рен. Ночью. В форме курьера.

Я знала, что он работает. Он говорил это вчера — «работаю ночью». Но знать и видеть — разное. Знать — это факт. Видеть — это он стоит под фонарем с термосумкой, и его лицо серое от усталости, и он всё равно спрашивает, замёрзла ли я.

Я вошла домой тихо. Мама спала — свет в её комнате уже погас. Рику тоже. Я прошла на кухню, открыла холодильник, закрыла. Не хотела есть. Хотела стоять и думать.

Я достала телефон. Открыла чат с Май. Написала: «Ты спишь?»

Она ответила через минуту: «Нет, смотрю сериал. Что?»

Я написала: «Если бы ты узнала что-то о человеке... что-то тяжёлое... что бы ты сделала?»

Май: «Зависит от человека. Ты о ком?»

Я посмотрела на экран. Потом стёрла сообщение. Написала другое: «Ни о ком. Просто думаю. Спокойной ночи.»

Май прислала стикер с мишкой, который машет лапой. Я улыбнулась — слабо, механически.

Я легла на кровать за ширмой и смотрела на потолок. Думала о его руках. О синяках. О том, как он сказал «устал» — не жалуясь, просто констатируя факт. Как будто усталость — это погода. Дождь. Нельзя сердиться на дождь.

Я не хотела спать. Я хотела, чтобы уже наступило утро. Чтобы сесть в автобус. Чтобы он сел рядом. И чтобы я сказала ему... что?

Я не знала. Но впервые за долгое время я легла спать с мыслью не о завтрашнем дне. А о чьих-то руках. О чьей-то усталости. О том, что я теперь знаю — и не пугает.

Часть третья. Утро

Автобус подъехал. Я вошёл первым, сел на своё место. Руки дрожали — я не спал всю ночь. После встречи с Юи я закончил смену, вернулся дома, лёг — и не мог уснуть. В голове крутилась одна мысль: она видела. Она знает.

Двери шипнули. Она вошла.

Я поднял глаза. Юи стояла в проходе и смотрела на меня. Не улыбалась. Просто смотрела — так, будто проверяла, цел ли я.

Она села рядом. Ближе, чем обычно — её плечо коснулось моего. Она не отёрнулась.

— Ты не спал, — сказала она. Не вопрос.

— Нет.

— Из-за вчера?

Я кивнул.

Она молчала секунду. Потом достала из сумки два пакета. Онигири. Один — с лососем, другой — с тунцом.

— На, — она протянула мне тунец. — Ты должен есть. Если работаешь ночью — ты должен есть.

Я взял. Пакет был тёплым.

— Юи, — я сказал, не глядя на неё. — Ты... не должна волноваться обо мне.

— Я не волнуюсь, — она открыла свой онигири. — Я просто не хочу, чтобы ты упал с велосипеда от голода. Это было бы глупо.

Я посмотрел на неё. Она ела, глядя в окно, и её профиль был спокойным. Как будто вчерашняя ночь ничего не изменила. Как будто она всегда знала, и это было нормально.

Я откусил онигири. Тунец. Обычный, нейтральный. Но сегодня он казался мне вкуснее, чем всё, что я ел за последние месяцы.

— Рен, — сказала она, не оборачиваясь.

Глава 10

Глава 10

Я сидел на полу у стола и смотрел на телефон. Экран гас, я включал его снова. Три дня прошло с того вечера у реки. Три дня, и я всё ещё не ответил.

«Как ты?»

Два слова. Три иероглифа, если считать по-японски. Я мог бы написать «нормально» — два символа, отправить, закрыть. Но пальцы не двигались. Потому что «нормально» было бы ложью. А ложь маме — это было то же самое, что и правда: она всё равно не вернулась бы.

Я положил телефон на стол. Встал. Сходил на кухню, налил воды из крана. Капало. Я смотрел на струю и думал о том, что мама уходила тихо. Без криков, без тарелок, разбитых о стену. Она просто написала записку и ушла утром, пока я спал после школы. Я проснулся — её не было. Холодильник гудел. Записка лежала под магнитом.

Я не плакал тогда. Я стоял на кухне и чувствовал, как что-то отключается внутри. Щелчок. И темнота.

Я вернулся к столу. Взял телефон. Открыл чат.

Мама. Фотография профиля — цветы, которые она сфотографировала два года назад у храма. Она меняла фото редко. Это было до ухода. До того, как она решила, что ей нужно «подумать».

Я написал: «Живу».

Стер. Слишком сухо. Слишком зло.

Написал: «Всё хорошо».

Стер. Ложь.

Написал: «Работаю. Хожу в школу. Скоро экзамены».

Посмотрел на экран. Это было правдой. Не всей правдой, но правдой. Я добавил: «Справляюсь».

Пальце hovering над кнопкой «отправить». Сердце билось в висках. Я не понимал, почему это так сложно. Она же мать. Она должна была остаться. Но она ушла. И я до сих пор не знал — моя ли это вина, или она просто устала. Устала быть мамой. Устала от отца, который ушёл раньше. Устала от меня — от молчаливого сына, который не просит, не жалуется, просто существует.

Я нажал «отправить».

Сообщение ушло. Одна галочка. Две. Прочитано.

Я замер. Ждал. Секунда. Две. Пять.

Ответ пришёл мгновенно — она, видимо, сидела в телефоне. Или ждала. Или просто не спала.

«Я рада. Береги себя.»

Я прочитал четыре раза. «Береги себя». Как будто она имела право говорить мне это. Как будто она была рядом, когда я брал двойные смены, когда я засыпал за рулём велосипеда, когда я ел холодный онигири в три ночи.

Я хотел написать: «А ты? Ты меня берегла?» Но не написал. Это было бы слишком. Это было бы по-детски. Я уже не ребёнок. Я семнадцать, я плачу аренду, я кормлю себя. У меня нет права обижаться.

Я положил телефон на стол лицом вниз. Потом подумал и добавил: «Ты тоже».

Отправил.

Она не ответила. Или ответила спустя время — я не смотрел. Я лёг на футон и смотрел на потолок. Трещина-молния в углу. Она всё ещё там. Но сегодня она казалась мне менее глубокой. Или я просто привык.

Я думал о Юи. О том, как она сказала: «Ты не один». Она не знала, насколько это правда. Я был один сто девяносто шесть дней. И вдруг — нет. Не потому что кто-то спас. Просто потому что кто-то сидит рядом в автобусе и даёт мне онигири.

Я встал. Сел за стол. Открыл тетрадь по литературе. Дописал сочинение — ещё пятнадцать строк. О раннем утре. О том, как свет медленно побеждает темноту. Я написал: «Иногда свет приходит не от окна. Иногда он садится рядом с тобой в автобусе, и ты замечаешь, что перестал считать остановки».

Я перечитал. Стыдно. Слишком лично. Но я не вычеркнул. Я закрыл тетрадь и открыл телефон. Снова. Не чат с мамой — браузер. Страница вечернего колледжа. Я сохранила её в закладки три дня назад и не открывал с тех пор.

Я посмотрел на требования. Документы. Сроки подачи. Май. У меня было три недели.

Я закрыл телефон. Лёг. Закрыл глаза. И впервые за сто девяносто шесть дней заснул с мыслью не о том, как дожить до завтра. А о том, что завтра может быть началом чего-то.

Конец главы 10

Глава 11

В субботу я не работал. Впервые за четыре месяца — попросил у хозяина выходной, сославшись на документы в школе. Он хмыкнул, но разрешил. Сказал: «Не привыкай, Рен. Ночные курьеры должны быть ночными».

Я проснулся в десять. Солнце пробивалось сквозь занавеску — тусклую, серую, которую я никогда не открывал. Я лежал и смотрел на пыль в луче света. Она кружилась, как мелкие насекомые.

Я встал, умылся, надел чистую футболку. Не гакуран — обычную, чёрную, с выцветшим логотипом на спине. Я не помнил, откуда она. Может, была папина. Может, купил на распродаже. Я посмотрел в зеркало — другой человек. Без формы, без мешков под глазами (ну, почти). Просто семнадцатилетний парень, которого никто не ждёт и никто не ищет.

Я вышел из дома и пошёл к реке. Днём. Впервые за долгое время я шёл туда при свете. Улицы были другими — не пустыми, как ночью, а живыми. Мама с колясками, старики на скамейках, подростки в наушниках. Я шёл среди них и чувствовал себя невидимкой. Не потому что был один. Просто я привык быть тенью.

Набережная была пуста. Солнце стояло высоко, и бетонный парапет был тёплым. Я сел на своё место — то самое, где сидел февралём, где думал о пластиковых бутылках в воде. Сейчас в реке плавали лепестки сакуры — поздние, сорванные вчерашним дождём. Они кружились по течению, розовые и белые, как крошечные лодочки.

Я сидел и смотрел. Не думал ни о чем. Просто смотрел. Это было странно — быть здесь днём, когда всё видно, когда не нужно притворяться, что ты просто проходил мимо.

— Рен?

Я обернулся.

Она стояла на тропинке — в светлом платье, с сумкой через плечо, с волосами, развевающимися на ветру. Она была другой. Не в школьной форме, не сонная, не торопящаяся на автобус. Она была просто девушкой, которая гуляет в субботу.

— Юи.

Она подошла ближе. Я видел, как она смущается — чуть краснеет, отводит глаза.

— Я... не знала, что ты здесь бываешь днём, — сказала она.

— Я и сам не знал.

Она усмехнулась. Потом посмотрела на парапет.

— Можно?

Я кивнул. Она села рядом — не вплотную, но ближе, чем в автобусе. Между нами было сантиметров двадцать тёплого бетона.

— Я гуляла, — сказала она. — Мама сказала: «Иди подыши воздухом, а то сдохнешь за учебниками». Она так говорит.

— У тебя мама... заботливая.

— Слишком, — Юи закинула ногу на ногу. — Она всё время готовит. Вчера — три вида печенья. Я сказала, что толстею. Она сказала: «Ты растёшь». Мне семнадцать, я уже не расту.

Я посмотрел на неё. Она говорила о маме так, как я никогда не говорил. Легко, с улыбкой, с лёгким раздражением. Как будто мама — это данность. Как будто она всегда была рядом и всегда будет.

— А ты? — спросила она. — Что делаешь в субботу?

— Ничего, — я посмотрел на воду. — Впервые за долгое время — ничего.

Она молчала. Потом достала из сумки что-то. Пластиковый контейнер.

— Я взяла с собой. Дыня. Мама нарезала. Она думает, что я иду в парк с подругами.

Она открыла контейнер. Кусочки дыни — оранжевые, сочные, пахнущие летом. Она протянула мне один.

— На.

Я взял. Он был холодным, тяжёлым. Я откусил — сладкий, почти приторный. Сок стекал по пальцам. Я не помнил, когда последний раз ел дыню. Может, лет десять назад. Может, никогда.

— Вкусно? — спросила она.

— Ага.

Она улыбнулась. Ела маленькими кусочками, аккуратно, не запачкав губы. Я ел грубо, и сок капал на бетон. Она это заметила, но не сказала ничего. Просто протянула мне салфетку из пакета.

Мы сидели и смотрели на реку. Лепестки уплывали. Где-то плыло судно — маленькое, рыбацкое, с мотором, который гудел, как пчела.

— Рен, — сказала она вдруг.

— А?

— Ты... думаешь о будущем?

Я замер. Дыня во рту казалась слишком сладкой.

— Иногда.

— И что ты хочешь?

Я посмотрел на воду. На лепестки. На руки — свои руки, с мозолями, с синяками. Я думал о колледже. О документах, которые лежали на столе дома, незаполненные. О том, что я не знаю, хватит ли мне денег. О том, что я не знаю, хватит ли мне сил.

— Я хочу, — сказал я медленно, — чтобы утро не начиналось с усталости.

Она посмотрела на меня. Не с удивлением. С каким-то... пониманием.

— Это мало?

— Нет, — она покачала головой. — Это много.

Мы помолчали. Ветер принёс запах воды и чего-то цветущего — сирени, может быть, или жасмина.

— Я хочу быть переводчиком, — сказала она вдруг. — Знаешь, такие, которые сидят в кабинках в аэропортах и помогают людям найти выход. Или в больницах. Просто... помогают. Я не знаю, смогу ли. Английский у меня так себе. Но мама говорит: «Попробуй, а потом сдавайся».

— Мудрая мама.

— Она просто упрямая, — Юи улыбнулась.

Я посмотрел на неё. На её профиль — прямой нос, ресницы, которые она опустила, глядя на дыню в руках. На ямочку, которая появлялась, когда она улыбалась. Я думал о том, что она — переводчик. Она будет помогать людям. А я буду... кем? Техником? Курьером? Человеком, который чинит краны, пока она разговаривает с людьми на разных языках?

— Ты сможешь, — сказал я. Не знаю почему. Просто знал.

Она подняла глаза. Посмотрела на меня. И вдруг — неожиданно для нас обоих — протянула руку и коснулась моей руки. Не держала. Просто коснулась — пальцами, легко, как касание бабочки.

— Спасибо, — сказала она.

Я не ответил. Я смотрел на её пальцы на моей коже и чувствовал, как что-то внутри — то самое каменное, о которое я спотыкался каждое утро — трескается. Не разрушается. Просто трескается. И сквозь трещину просачивается свет.

Она убрала руку. Взяла ещё один кусочек дыни. Мы сидели и смотрели на реку, и между нами было двадцать сантиметров бетона — и ноль сантиметров чего-то другого.

— Рен, — сказала она.

— А?

— Завтра в воскресенье. Автобус не ходит.

— Знаю.

— Но в понедельник — ходит. В семь двадцать.

— Знаю.

Она улыбнулась. Той самой улыбкой, с ямочками.

— Тогда до понедельника.

Она встала, поправила платье, помахала рукой и пошла по тропинке. Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Потом посмотрел на контейнер с дыней — она оставила его мне. Три кусочка. Я съел их медленно, глядя на воду.

Глава 12

Солнце стояло высоко. Было тепло. И впервые за долгое время я сидел на набережной и не думал о том, как дожить до вечера. Я просто сидел. И это было достаточно.

Я пришёл на остановку раньше. Не знаю зачем — просто проснулся в пять, не мог уснуть, и лежать в квартире было тяжелее, чем стоять на холоде. Я курил электронную сигарету и смотрел, как небо меняет цвет с чёрного на серый, с серого на розовый.

Автобус подъехал. Я вошёл, сел на наше место. Ждал.

Двери шипнули на следующей остановке. Я поднял глаза — и сразу понял, что что-то не так.

Юи вошла, но не посмотрела в мою сторону. Она шла медленно, как будто ноги были из свинца. Села рядом, как всегда, но не сказала «доброе утро». Не достала телефон. Не открыла сумку. Просто смотрела в окно, и её отражение в стекле было бледным, с красными веками.

Автобус тронулся. Я смотрел на неё из уголка глаза. Она не плакала. По крайней мере, не вслух. Но я видел, как она сжимала ручку сумки так, что костяшки побелели.

Я должен был промолчать. Это мой обычный путь — не лезть. Но что-то внутри, то, что треснуло у реки в субботу, шевельнулось.

— Юи, — я сказал тихо.

Она не обернулась.

— Что случилось?

Она помолчала. Долго — минуту, может быть, две. Я уже думал, что она не ответит, как всегда, когда она вдруг повернулась ко мне. Глаза были мокрыми, но сухими. Она сдерживала.

— Мама, — сказала она. — Мы поссорились.

Я ждал. Она отвернулась к окну.

— Она нашла мои записи. Я веду дневник — с мыслями о будущем, о колледже, о переводах. И она... — голос дрогнул, но она продолжила. — Она сказала, что это нереально. Что я должна быть прагматичнее. Что переводчики никому не нужны, и что я лучше поступлю на бухгалтера, как тётя.

Она замолчала. Я видел, как она кусает губу, чтобы не заплакать.

— Она всегда говорила: «Попробуй». А теперь... — Юи покачала головой. — Теперь она боится. И я тоже боюсь. Но не того же.

Я не знал, что сказать. Моя мама ушла, не спросив, чего я хочу. Её мама осталась, но говорит, чего она хочет от неё. Я не знал, что хуже. Но я знал, как это — когда тебе говорят, кем быть.

— Я подал документы, — сказал я.

Она подняла голову. Посмотрела на меня. Глаза широкие, удивлённые.

— На что?

— Вечерний колледж. Электроника. Вчера отнёс в школу.

— Рен... — она замолчала. Потом губы дрогнули — не от грусти. Она улыбалась. Сквозь слёзы, но улыбалась. — Ты правда?

— Ага.

— А деньги?

— Пока не знаю. Но попробую.

Она смотрела на меня, как будто впервые видела. Как будто я был не тем парнем из автобуса, а кем-то другим. Я не чувствовал себя другим. Но её взгляд заставил меня поверить, что, может быть, я могу быть.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— За что?

— За то, что сказал. Мне... мне нужно было услышать, что кто-то пробует.

Автобус подъехал к школе. Она встала, и я встал следом. Обычно я выходил после неё, шёл позади. Но сегодня я вышел рядом. Мы стояли у дверей, и солнце светило нам в спины.

— Рен, — сказала она.

— А?

— Ты пойдёшь со мной? До класса?

Я замер. До класса. Вместе. По школьному двору, где все могут увидеть.

— Ага, — сказал я.

Мы пошли. Не близко, не держась за руки — просто рядом, в шаге друг от друга. Она шла медленнее, чем обычно, и я замедлился. Кто-то из её класса обернулся. Кто-то из моего. Я видел это краем глаза. Не важно.

У развилки коридоров она остановилась.

— До вечера? — спросила она.

— До вечера, — кивнул я.

Она улыбнулась — уже почти по-своему, почти по-настоящему — и повернулась к своему крылу. Я стоял и смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверью.

Потом пошёл к своему классу. В кармане гакурана лежал её платок — она дала его мне, когда я нечаянно коснулся её руки, проверяя, дрожит ли она. Он был мокрым от её ладони. Я не выбросил. Засунул глубже.

Конец главы 12

Глава 13

Глава 13

Часть первая. Рен

Я уснул на первом уроке. Но меня разбудили не учителя — шепот за спиной.

— ...вместе из автобуса...

— ...говорят, она первокурсница...

— ...он вообще ни с кем не общается, а тут...

Я не открыл глаз сразу. Лежал с головой на руках и слушал. Голоса были тихие, но в пустом классе до начала урока они резались, как скрип мела по доске.

— Рен, — голос Кобаяши, сидящего за мной. — Это правда, что ты с Юи-сан встречаешься?

Я поднял голову. Повернулся. Кобаяши — невысокий, с прыщами на подбородке, всегда первым узнаёт всё о всех. Он смотрел на меня с тем прищуром, который означал: «Я просто спрашиваю, но на самом деле я уже всё знаю».

— Нет, — сказал я.

— А почему вы вместе пришли?

— Живём в одном районе.

— Ага, — он ухмыльнулся. — В одном районе.

Он повернулся к своему соседу, и они переглянулись. Я видел это. Не значило, что мне было всё равно. Просто я привык — сплетни обо мне обычно не живут долго. Я слишком скучный объект. Нет родителей, нет денег, нет драмы. Через неделю найдут другую цель.

Но на перемене, когда я шёл к умывальнику, кто-то толкнул меня локтем. Не сильно — просто проходя мимо. Я не обернулся. Не знаю, кто это был. Но я услышал смешок. Короткий, тихий.

Я зашёл в кабинку, закрыл дверь и смотрел в зеркало. Тот же человек. Те же круги. Но сегодня я заметил что-то другое — я стоял прямее. Плечи не сгорблены так сильно, как обычно.

Я вышел. В коридоре стояла группа девочек из параллельного класса. Они замолчали, когда я прошёл мимо. Одна — я не знал её имени — засмеялась в кулак.

Я пошёл дальше. Не ускорился. Не опустил голову. Просто пошёл — и это было странно. Раньше я бы сбежал в укрытие. Сейчас я думал о том, что Юи тоже где-то в этом здании, и ей, наверное, не легче. И эта мысль не ослабила шаг, но и не замедлила его.

На обед я не пошёл в столовую. Сел на лестнице, на третьем этаже. Не на ту самую площадку, где встретил Юи — там сейчас бывали другие. Я сел выше, у окна, и достал онигири. Купил в конбине утром, по пути на автобус.

Дверь лестничной клетки скрипнула. Я подумал, что это дворник, и не обернулся.

— Рен?

Я замер. Обернулся.

Юи стояла на ступеньках ниже. В школьной форме, с сумкой, прижатой к груди. Она была красная — не от холода, от смущения.

— Ты... — она замолчала, потом поднялась на ступеньку выше. Села рядом. Не касаясь, но рядом. — Тебе тоже досталось?

— Ага.

— Мне Май сказала, что кто-то видел. В коридоре. Я... — она закусила губу. — Я не хотела, чтобы тебе было сложно.

— Было и раньше сложнее, — я откусил онигири. — Это просто шум.

Она посмотрела на меня. Я не видел её глаз — смотрел в окно. Но я чувствовал её взгляд.

— Ты не злишься? — спросила она.

— Нет.

— Почему?

Я пожал плечами. Потому что злость требует сил. Потому что сплетни — это воздух, а я привык дышать плохим воздухом. Потому что...

— Потому что ты здесь, — сказал я. Не глядя на неё. — И это важнее.

Она молчала. Я тоже. Мы сидели, и из столовой доносился шум — голоса, смех, звон посуды. А здесь, на лестнице, было тихо.

— Рен, — сказала она тихо.

— А?

— Я не жалею. Что мы вошли вместе.

Я повернул голову. Она смотрела на меня, и в её глазах не было ни страха, ни смущения. Было что-то другое. Твёрдое. Как будто она приняла решение — не громкое, не драматичное. Просто решение.

— Я тоже, — сказал я.

Она улыбнулась. Маленькой, почти невидимой улыбкой. Потом встала.

— Мне пора. Математика.

— Ага.

— Автобус вечером? — спросила она у двери.

— Нет, сегодня смена.

— Тогда завтра.

— Завтра.

Она вышла. Я сидел ещё пять минут, доел онигири, и пошёл на последний урок. В коридоре снова шептались. Но я прошёл мимо, и на этот раз я не слышал слов. Я слышал только её голос: «Я не жалею».

Часть вторая. Юи

Маи подсела ко мне на перемене. Не с улыбкой — с серьёзным лицом, которое я видела редко.

— Юи, — сказала она. — Ты правда с Реном?

— Мы просто... — я замолчала. Что мы? Друзья? Знакомые? Попутчики в автобусе? — Мы просто разговариваем.

— Весь класс говорит, что вы встречаетесь.

— Мы не встречаемся.

— Но ты с ним пришла. Вместе.

Я смотрела на свои руки. На ногти — аккуратные, розовые. Мама говорила, что такие ногти у приличных девочек. Я думала о том, что Рен никогда не смотрит на мои ногти. Он смотрит на меня — когда я говорю, когда молчу, когда я не знаю, что со мной.

— Маи, — сказала я. — Он... другой. Не такой, как все.

— Он странный, — сказала Маи. Не зло. Просто констатируя. — Он всегда спит, он не разговаривает, про него ничего не знают. Ты точно хочешь?

Я подняла голову. В классе шумели, смеялись, перекидывались ручками. Обычный день. Обычная жизнь. А я сидела и чувствовала, как что-то внутри меня — то, что всегда говорило «будь хорошей, будь как все» — трещит.

— Я не знаю, чего хочу, — сказала я честно. — Но я знаю, что с ним я не притворяюсь.

Маи посмотрела на меня. Долго. Потом вздохнула.

— Ладно, — сказала она. — Тогда я скажу остальным, чтобы заткнулись.

— Не надо, — я тронула её рукав. — Просто... не присоединяйся.

Она кивнула. Не улыбнулась, но и не отвернулась. Это было достаточно.

После школы я шла к автобусу одна. Обычно Майи шла со мной — сегодня она сказала, что забежит в библиотеку. Я знала, что это отговорка. Но не обиделась.

Я села на скамейку на остановке. Солнце светило, и я чувствовала тепло на лице. Автобус подъехал — пустой, дневной, не наш утренний. Я села у окна и смотрела на город.

Я думала о маме. О том, что она сказала про бухгалтера. О том, что она боится за меня — и это делает её жёсткой. Я понимала её. Но понимание не значило согласие.

Я достала телефон. Открыла заметки. Написала: «Переводчик. Я попробую.»
Сохранила.

Автобус ехал, и я смотрела в окно. Где-то сейчас Рен спал перед сменой. Или уже ехал по ночным улицам с термосумкой. И я знала — завтра утром он будет на остановке. Уставший, молчаливый, с кругами под глазами. И я сяду рядом. И мы не будем говорить о сплетнях. Мы будем есть онигири и смотреть, как город просыпается.

И этого — пока что — достаточно.

Конец главы 13

Глава 14

Глава 14

Часть первая. Юи

На кухне пахло даши и жареным тофу. Мама стояла у плиты в фартуке с кроликами, но сегодня её движения были неуверенными — она переворачивала тофу щипцами, потом оставляла, потом снова переворачивала.

— Юи, — сказала она, не оборачиваясь. — Нарезь зелёный лук, пожалуйста.

Я села за стол и взяла нож. Лук был холодным, резким. Я нарезала медленно, стараясь не порезать пальцы — мысли были не здесь.

Мама выключила конфорку. Повернулась ко мне. Она держала сковороду в руках, но не ставила её на стол. Просто смотрела.

— Ты в последнее время... — она замолчала, подбирая слова. — Ты другая.

Я не подняла голову. Продолжала резать.

— В чём смысл? — спросила я тихо.

— Ты раньше рассказывала мне всё. О школе, о подругах, о том, что хочешь на день рождения. А сейчас... — она поставила сковороду. — Сейчас ты уходишь в себя. Как будто у тебя есть тайна.

Я собрала лук в кучку на доске. Потом подняла глаза.

— У меня нет тайны, мама.

— Есть, — она села напротив. Не на своё место — на моё, рядом. Так близко, что я видела морщинки в уголках её глаз. — Ты не споришь со мной. Ты не плачешь. Ты просто... ушла куда-то. И я не знаю, правильно это или нет.

Я молчала. Из гостиной доносился голос Рiku — он смотрел мультфильм, слишком громко.

— Мама, — сказала я. — Ты права. Я думаю о многом. О будущем. О том, кем я хочу быть.

— Бухгалтер, — сказала мама автоматически.

— Нет, — я покачала головой. — Я хочу быть переводчиком. Я знаю, что это сложно. Я знаю, что, может, не получится. Но я хочу попробовать. И... — я сжала нож в руке. — И я встретила человека, который тоже пытается. Он не говорит много. Он не обещает мне ничего. Но он делает шаги. И я смотрю на него и думаю: если он может, то и я.

Мама смотрела на меня. Долго. В её глазах было не гнев — было страх. Тот самый, что я видела вчера, когда она кричала про бухгалтерию.

— Он... — мама начала, потом осеклась. — Этот человек. Он хороший?

— Да, — я сказала без сомнения.

— Он заботится о тебе?

— Он... — я замолчала. Заботится? Рен не дарил цветов, не провожал до двери, не говорил комплиментов. Но он слушал. Он запоминал, что я люблю тунец, а не лосось. Он молчал, когда мне нужно было молчать. — Он не мешает мне дышать, — сказала я. — Это важнее, чем забота.

Мама опустила глаза. Потянулась к зелёному луку, перебирала его пальцами.

— Когда я была моложе, — сказала она тихо, — я хотела быть певицей. Не профессиональной. Просто петь в кабаре. У мамы — твоей бабушки — был инсульт, и я осталась дома. Потом вышла замуж. Потом родила тебя. И я не жалею. Но иногда... иногда я думаю: а что, если бы попробовала?

Я смотрела на маму и впервые видела её не как «маму», а как женщину. Со своими потерями, со своим страхом, что я повторю её путь — но с другой стороны.

— Я не хочу, чтобы ты жалела, — сказала я.

— Я не хочу, чтобы ты упала, — ответила она.

— Я упаду, — я улыбнулась. — Но сама.

Мама вздохнула. Потом — неожиданно для нас обеих — обняла меня. Коротко, по-японски, сдержанно. Но обняла.

— Ладно, — сказала она в моё плечо. — Попробуй. Но если что — дома есть рис.

Я рассмеялась. Сквозь слёзы, но рассмеялась.

Часть вторая. Рен

Я вернулся в три. Ночь была тихая — всего пять заказов, и я успел заработать четыре тысячи. В почтовом ящике у входа что-то лежало. Не конверт с арендой — белый конверт, аккуратный, с печатью.

Я поднял. Колледж. Логотип, который я видел на сайте.

Я стоял в подъезде и смотрел на конверт. Сердце билось в висках — так же, как тогда, когда я отправлял маме «ты тоже». Только сейчас сильнее.

Я открыл. Два листа. Первый — стандартное приветствие. Второй — дата вступительного собеседования. Пятница, десять утра. Нужно принести документы, рекомендацию школы, подтверждение оплаты вступительного взноса.

Я прочитал три раза. Вступительный взнос — пятнадцать тысяч. Я посчитал в уме. У меня есть семь тысяч сдачи. Нужно восемь. Три дня работы. Можно.

Я пошёл в квартиру. Сел на пол, спиной к двери. Конверт лежал на коленях. Я смотрел на него и думал о том, что это не зачисление. Это просто возможность. Но раньше у меня не было даже возможности.

Я достал телефон. Открыл чат с мамой. Написал: «Я подал в колледж. Собеседование в пятницу».

Отправил. Положил телефон на пол. Закрыв глаза.

Через минуту вибрация. Я поднял телефон.

«Я верю в тебя.»

Три слова. Я смотрел на них, и они плыли перед глазами. Не потому что я плакал. Просто усталость. Просто... что-то другое.

Я лёг на пол, не доходя до футона. Конверт прижал к груди. Закрыв глаза.

Я думал о Юи. О том, что завтра утром она сядет рядом. И я скажу ей. Не «я поступил» — это было бы ложью. Но «у меня есть шанс». И она улыбнётся. И я увижу её ямочки.

Я заснул на полу, в одежде, с конвертом на груди. Впервые за долгое время мне приснился сон. Не кошмар, не пустота. Просто сон — о свете в окне, о том, что кто-то стучит в дверь и приносит завтрак.

Часть третья. Утро

Я пришёл на остановку раньше. Стоял, прислонившись к столбу, и конверт лежал в портфеле — я взял его с собой. Не знаю зачем. Просто хотел, чтобы он был рядом.

Автобус подъехал. Я вошёл. Сел. Ждал.

Она вошла. Села рядом. Сегодня она была тихая — не грустная, просто тихая. Мы ехали, и я чувствовал, как конверт горит в портфеле.

— Рен, — сказала она. — Ты сегодня... светишься.

Я обернулся.

— Что?

— Не знаю, — она улыбнулась. — Ты другой. Хороший другой.

Я посмотрел на неё. На её глаза — тёмные, сонные, но видящие. Она всегда видела. Даже когда я думал, что прячусь.

— У меня... — я начал. Потом остановился. Потом достал конверт. — Это пришло вчера. Из колледжа. Собеседование.

Она замерла. Посмотрела на конверт, потом на меня. И улыбнулась. Не широко. Не визжа от радости. Просто — тихо, по-настоящему, с ямочками.

— Рен, — сказала она. — Это же... это же начало.

— Только собеседование, — сказал я.

— Начало, — повторила она.

Автобус подъехал к школе. Мы вышли вместе — как вчера, как позавчера. Но сегодня я шёл и чувствовал, что конверт в портфеле — это не просто бумага. Это вес. Не тяжёлый. Просто... настоящий.

У ворот она остановилась.

— Рен, — сказала она.

— А?

— Я с мамой поговорила. Она... она сказала, что дома есть рис.

Я не понял сразу. Потом понял — и чуть улыбнулся.

— Моя мама написала: «Я верю в тебя».

— Вот видишь, — Юи кивнула. — Мы оба не упадём.

— А если упадём?

— Тогда встанем, — она пожала плечами. — Рис же есть.

Она помахала мне рукой и побежала к своему крылу. Я стоял у ворот и смотрел ей вслед. В кармане гакурана лежал её платок — я так и не вернул. В портфеле — конверт. В голове — её слова: «Мы оба не упадём».

Я пошёл на урок. На первом — математика — я не спал. Я смотрел на доску и думал: через три дня у меня будет пятнадцать тысяч. Через неделю — собеседование. Через месяц — выпуск.

И где-то там, впереди, было лето. И, может быть, другие автобусы. И, может быть, она рядом.

Я взял ручку и записал в тетрадь одну фразу. Не по математике. Просто фразу: «Начало — это когда ты боишься, но всё равно идёшь».

Учительница не заметила. Или заметила, но не сказала.

Конец главы 14

Глава 15

Глава 15

Часть первая. Собеседование

Я проснулся в семь. Без будильника — просто открыл глаза, и всё. Тело не понимало, что происходит. Оно привыкло спать до пяти сорока, привыкло к ночи, к холоду на руле велосипеда, к тишине уличных фонарей. Утро казалось чужим, ненастоящим.

Я встал, подошёл к шкафу. Достал рубашку — белую, купленную два года назад на какой-то школьный праздник. Она пахла нафталином и старостью. Я повесил её в ванной, включил горячую воду, чтобы пар разгладил складки. Стоял и смотрел, как пар поднимается к потолку.

Брюки — чёрные, единственные, не школьные. Я носил их три раза: на похороны бабушки, на собрание в школе, на встречу с хозяином квартиры. Они были коротковаты — я вырос за два года.

Я оделся. Посмотрел в зеркало. Не гауран. Не куртка курьера. Просто человек в белой рубашке и коротких брюках. Я не узнавал себя. Это было страшнее, чем идти на собеседование.

Выйдя из дома, я почувствовал, что забыл что-то важное. Проверил карманы — телефон, бумаги, паспорт, конверт из колледжа. Всё было. Но чувство не проходило. Я понял: я забыл усталость. Обычно я выхожу из дома ночью, и усталость — как вторая кожа. А сейчас я был... лёгкий. И это лёгкость пугала.

Колледж был в другом районе — двадцать минут на автобусе. Я сел на рейс, который обычно пропускал — дневной, людной. Вокруг меня сидели взрослые в костюмах, студенты с рюкзаками, бабушки с сумками на колёсиках. Я держался за поручень и чувствовал, как потеют ладони.

Здание колледжа оказалось небольшим — четыре этажа, серый бетон, деревья во дворе. Я подошёл к двери и остановился. Три минуты стоял, не заходя. Думал о том, что могу развернуться. Что никто не заметит. Что это была глупая идея — парень без денег, без родителей, без сна, который решил стать техником.

Но я вспомнил Юи. Как она сказала: «Начало». И я толкнул дверь.

В приёмной сидели ещё трое. Парень лет двадцати в клетчатой рубашке, девушка с ноутбуком, мужчина средних лет в рабочей одежде. Я сел в угол, на край пластикового стула. Мои брюки оставляли складку на коленях. Я разглаживал её пальцами, пока не подошла моя очередь.

Кабинет был маленький. За столом сидела женщина — седая, в очках с толстыми стёклами. Она смотрела на меня не снисходительно. Просто — внимательно.

— Фудзияма Рен?

— Да.

— Расскажите, почему наш колледж?

Я замер. Я готовился к вопросам об оценках, о хобби, о планах. Но не к этому. Почему?

— Я... — я посмотрел на руки. На мозоли. На синяки. — Я работаю ночью. Курьер. И я устал.

Она кивнула. Не записывала. Просто слушала.

— Я хочу работать днём, — продолжил я. — Я не считаю ночь плохой. Просто... я хочу видеть, куда иду.

— А куда вы хотите идти?

Я поднял глаза. Она смотрела на меня через очки, и я не видел в её взгляде ни жалости, ни превосходства.

— Пока не знаю, — сказал я честно. — Но хочу иметь выбор.

Она молчала секунду. Потом кивнула.

— Хороший ответ, — сказала она. — Мы сообщим результаты через две недели.
Я встал. Поклонился. Вышел.

В коридоре я остановился у окна. Смотрел на деревья во дворе — молодые, с красными листьями. Я не знал, прошло ли собеседование хорошо. Но я знал, что не соврал. Не притворялся. Это было новым.

Часть вторая. Река

Я пришёл к набережной в шесть. Солнце ещё не село, но уже опускалось — золотое, ленивое. Я сел на парапет и смотрел на воду. Река текла быстро, отражая небо. Я думал о том, что через две недели мне позвонят. Или не позвонят. И оба варианта казались возможными.

Я не заметил, как она подошла. Просто услышал шаги — знакомые, лёгкие.

— Рен?

Я обернулся.

Юи стояла на тропинке. В голубом платье, с сумкой через плечо, с волосами, развевающимися на ветру. Она была немного красная — бежала, наверное.

— Ты... — я замолчал. — Ты как здесь оказалась?

— Я догадалась, — она подошла ближе. — Ты говорил, что собеседование сегодня. И я подумала... если ты придёшь сюда после, то я тоже приду. А если нет — уйду через час.

Она села рядом. Не спросила разрешения. Просто села, оставив между нами сантиметров пятьдесят тёплого бетона.

— Ну? — спросила она.

— Ну что?

— Как было?

Я посмотрел на воду. На лепестки, которые кружились по течению.

— Я сказал, что устал, — сказал я. — И что хочу видеть, куда иду.

— И что они сказали?

— Сказали, что хороший ответ.

Юи улыбнулась. Той самой улыбкой — с ямочками, с закрытым ртом, с глазами, которые смеются раньше, чем губы.

— Значит, всё хорошо?

— Значит, я не соврал, — я пожал плечами. — Остальное — не от меня.

Она кивнула. Достала из сумки контейнер. Открыла. Там лежали онигири — два, аккуратно завернутых в пищевую плёнку.

— Мама сделала, — сказала она. — Я сказала, что иду гулять. Она спросила: «С подругами?» Я сказала: «Нет». Она посмотрела на меня... и просто положила онигири в сумку.

Я взял один. Лосось. Он был тёплым, тяжёлым.

— Твоя мама... — я начал.

— Она другая теперь, — Юи посмотрела на воду. — Не сразу. Но она пытается.

Мы ели. Ветер был тёплым, почти летним. Где-то плыло судно — маленькое, с мотором.

Гул доносился до нас, но не мешал.

— Рен, — сказала Юи, когда я доел.

— А?

— Я тоже подала документы, — сказала она тихо. — На переводческое отделение. Вчера. Отправила по почте.

Я замер. Посмотрел на неё.

— Ты боишься? — спросил я.

— Ужасно, — она улыбнулась. — Но я вспомнила, что ты сказал. «Начало — это когда ты боишься, но всё равно идёшь».

Я не знал, что ответить. Я смотрел на неё — на её профиль, на волосы, которые она заправила за ухо, на руки, которые сжимали пустой контейнер. И я подумал: вот она. Вот она — причина, по которой я хочу видеть, куда иду.

— Юи, — сказал я.

— А?

— Спасибо. Что пришла.

Она повернулась ко мне. Смотрела долго — не в глаза, а чуть ниже, на мою рубашку, на мои короткие брюки, на мои руки с мозолями.

— Рен, — сказала она тихо.

— А?

— Ты выглядишь... по-взрослому. В этой рубашке.

Я посмотрел на себя. Потом на неё. И впервые за долгое время я не чувствовал стыда за то, как я выгляжу. Я чувствовал себя человеком.

Солнце село за зданием. Небо стало розовым, потом фиолетовым. Мы сидели и смотрели, как зажигаются фонари на набережной. Один за другим — тёплые, жёлтые, как капли мёда в темноте.

— Мне пора, — сказала Юи. — Мама волнуется.

— Ага.

Она встала. Потёрла затёкшие ноги. Потом — неожиданно — протянула руку. Не для рукопожатия. Просто положила на мою руку. Ладонь была тёплой, немного липкой от риса.

— Две недели, — сказала она.

— Две недели, — кивнул я.

— А потом?

— А потом... — я посмотрел на её руку на моей. — Потом узнаем.

Она убрала руку. Помахала. Пошла по тропинке. Я сидел и смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Потом смотрел на воду ещё минут двадцать.

В кармане рубашки лежал второй онигири. Я не ел его. Забрал домой. Положил на стол, рядом с конвертом из колледжа и запиской мамы на холодильнике.

Три вещи. Три точки, из которых строится что-то новое.

Я лёг на футон и закрыл глаза. Завтра — снова смена. Но сегодня я не думал о ней. Я думал о том, что через две недели мне позвонят. И что она тоже ждёт звонка. И что мы оба — впервые — ждём чего-то хорошего.

Конец главы 15